

УДК 502(9)

И.Г. Киссин

ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ*Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
г. Москва, Россия***АННОТАЦИЯ.** Автор повествует об эпизодах Великой Отечественной войны, в которой ему довелось участвовать с 1943 по 1945 г.**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** И.Г. Киссин, бои под Сталинградом, наступление от Будапешта до Вены и от Вены до Праги.

Всякая война, даже большая, состоит из эпизодов. Они не всегда трагические или роковые, бывали всякие... Некоторые из них запомнились на всю жизнь.

1941-й, 22 июня

Утро этого дня я встретил в небольшом поселке на юге Донбасса, где мы, студенты Новочеркасского индустриального института, работали на первой геологической практике. Каждый день мы ходили в маршруты на обнажения. Так на геологическом языке называют выходы коренных горных пород, не прикрытые почвой и растительностью. Здесь на поверхность выступают складки, каменные слои, причудливо изогнутые неведомыми силами сотни миллионов лет назад.

Маршрут этого дня был обычным: нужно было обследовать участок заброшенного карьера, сделать зарисовки характерных слоев и складок, отобрать образцы пород – рутинная работа полевого геолога. К двум часам дня задание было выполнено. Обычно после двенадцати к нам присоединялись руководители практики, доценты Георгий Петрович и Мария Евгеньевна. В этот день они почему-то задерживались, и, прождав больше часа, мы уже собрались возвращаться в поселок. Наконец вдали показались две фигуры. Мы с приятелем Сашей пошли к ним навстречу.

– Георгий Петрович, – начал Саша, – у нас тут возник спор...

– Да, да, это интересно, сейчас разберемся, – прервал его доцент почему-то глухим голосом. Подошли другие ребята.

– Минутку тишины, – Георгий Петрович поднял руку. Обычно веселый, улыбающийся, доцент выглядел хмурым и подавленным.

– Ребята, в 12 часов по радио выступал Молотов. Сегодня утром началась война...

Через два дня, глубокой ночью мы возвращались в Новочеркасск. Станции и полустанки по дороге непривычно темные – светомаскировка. Не доезжая Таганрога, поезд надолго остановился. Никто не спал.

– А я завтра пойду в военкомат, пусть берут в армию, – прервал тишину Вася Вдовин.

– Зачем спешить, Вася, у тебя отсрочка от призыва, а война скоро кончится, – робко произнесла Вера Зубова. Мы знали, что Вера равнодушна к Вдовину.

– Конечно, ведь товарищ Сталин не раз говорил, что враг будет быстро разбит на его территории, – раздался чей-то голос из темноты.

– Вот и нужно быстрее на фронт, чтобы успеть, – убежденно заявил Вася. Предрасветный Новочеркасск встретил нас полной темнотой. Я добирался домой по пустынным улицам. Плотно закрытые окна домов были крест-накрест заклеены бумажными полосами. Где-то вдали громыхал гром, и подумалось: а, может быть, уже бомбят. Начинаясь четвертый день войны.

Прудбой

29 июля 41-го года меня вызвали в военкомат. Усталый капитан с воспаленными глазами коротко спросил:

– Здоров?

– Вроде да, – ответил я.

– Где документы?

Я положил на стол паспорт, справку из института и бумагу из военкомата, согласно которой мне, как студенту, предоставляется отсрочка от призыва до окончания учебы. Капитан положил в стол паспорт, вернул мне справку, а «отсрочку» разорвал на четыре части и бросил в корзину.

– Постричься наголо и завтра в два часа дня быть на вокзале с вещами. Все ясно? Следующий, – крикнул капитан.

Когда я пришел домой, предварительно побывав в парикмахерской, мать, глянув на мою стриженую голову, заплакала.

Я оказался в группе новобранцев, направленных в танковое училище, в Камышин. Нас высадили вечером на станции со странным названием «Прудбой». До места назначения предстояло пройти около пятидесяти километров. Этот ночной марш я запомнил надолго. Луна, освещавшая дорогу, вскоре скрылась за тучами, временами моросил мелкий дождик. Но, главное – старые ботин-

ки натирали ноги, и страшно хотелось спать, глаза смыкались даже на ходу. Прошло часа три, после короткого привала идти становилось все труднее, и я начал отставать. После каждого окрика старшины, который ехал сбоку верхом: «Отстающие, подтянуться!» приходилось бегом догонять колонну. Тогда я, собрав все силы, ускорил шаг и пристроился в первый ряд. Теперь отставать нельзя было – поджимали сзади, и приходилось идти вместе со всеми.

Часам к девяти утра мы, наконец, добрались до лагеря – палатки и бараки окружали большой плац. Военная служба началась.

Первый окоп

Лето 1942 года, немцы в Сталинграде. До линии фронта более сотни километров, но ночами на юге видно зарево и доносится гул канонады. Нам, курсантам Камышинского танкового училища, выдали полное пехотное снаряжение и патроны к винтовкам. Однажды утром училище подняли по тревоге и вывели на юг от города, чтобы занять оборону на случай прорыва немцев. У каждого курсанта малая саперная лопатка, ею нужно вырыть окоп. Высохшая земля – как камень, но мы ожесточенно долбим ее. Мы уже хорошо понимаем: если подойдут немцы, окоп – единственная защита. За два дня мой окоп углубился только на метр. Большого не сделаешь без лома и настоящей лопаты. На третий день нас вернули в училище – опасность прорыва миновала.

Неаполитанская песня

Январь 1943 года. Нашу танковую часть перебрасывают для наступления к западу от Сталинграда. Немецкие войска окружены, и навстречу нам бредут пленные. Сильный мороз, и пленные закутаны кто во что горазд. Особенно доставалось итальянцам и румынам, непривычным к нашей зиме. Вечером мы остановились в небольшом селе. Захожу в дом погреться. Здесь разместились кухня какой-то части. На ящике сидит пленный – чернобровый красавец в потрепанной немецкой форме, чистит картошку и распевает: «О соли мио». Спрашиваю:

– Откуда ты? – Улыбка до ушей:

– Итальяно, Наполи..., мой война финале.

Лекарство от водки

Фронтные «сто граммов» нам выдавали достаточно регулярно, но я долго не мог к ним привыкнуть. В этот вечер, поздней осенью 1943 года, не помню, по какому поводу,

все-таки пришлось выпить. Всю ночь я не мог уснуть – меня страшно мутило. Дождавшись утра, я пошел к нашим медикам:

– Саша, пропадаю, дай какое-нибудь лекарство. Доктор налил в стакан чего-то бесцветного и добавил воды из графина.

– Что это такое? – спросил я.

– Разведенный спирт, лучшего средства от твоей болезни нет. Я с отвращением отодвинул стакан:

– Спасибо, перетерплю. Со временем эта «болезнь» прошла, но пить по-настоящему я так и не научился.

Витя Панкратов

Зимой 1943/1944 года в нашу бригаду пришло очередное пополнение. Народ пестрый: молодые лейтенанты, только из училища, уже повоювавшие ребята после лечения в госпитале. Виктор Панкратов попал на фронт, окончив краткосрочные курсы младших лейтенантов. Это был крупный круглолицый мужчина лет тридцати пяти. До этого он работал учителем и директором школы в каком-то небольшом городке, и местные власти всеми правдами и неправдами долго не отпускали его в армию.

Панкратова направили в батальон командиром танка Т-34. Мы с моим другом Мишкой Долбневым как-то сразу сблизились с Виктором. Он привлекал нас своим неотразимым юмором и жизнелюбием. И еще, наверное, нас, 20-22-летних, рано покинувших отчий дом, тянуло к людям зрелым, с большим опытом. Витя был прекрасным рассказчиком. Обычно в перерывах между боями, вечером мы с Мишкой ставили на стол бутылку с водкой, накопленной из наших ежедневных «ста граммов», находили нехитрую закуску и приглашали Витю в свою землянку.

В этот вечер Витя начал рассказывать о своей любимой школе.

– А знаете, друзья, как я приобщал своих сорванцов к серьезной литературе, – начал он. – Я заставлял их придумывать новые сюжетные ходы к разным произведениям. И иногда получалось забавно. Вот один двоичник, которого я долго не мог заставить прочитать хоть один рассказ Тургенева, вдруг приносит мне свой вариант «Муму». Герасим, вместо того, чтобы утопить собачку, утопил барыню, а потом подался к разбойникам. Витя усмехнулся и налил себе водки:

– Ну, выпьем за великую русскую литературу.

Это была наша последняя встреча. Через день началось наступление на Рижском на-

правлении, и Виктор ушел в бой вместе со своим батальоном. Немцы упорно сопротивлялись, развернув ожесточенную минную войну. Они оставляли свои смертоносные «гостинцы» в самых неожиданных местах: в русской печи, на оживленной дороге и мало заметной тропе. Самыми крупными зарядами были фугасы, когда до тонны взрывчатки закладывались для уничтожения мостов, переправ, создания завалов. В колонне, преследовавшей немцев, танк Панкратова шел первым. Он принял на себя взрыв фугаса, заложенного на переправе через небольшую речку...

Мне удалось побывать на месте взрыва только на следующий день. Корпус танка, вернее все, что от него осталось, лежал на дне речки. Многотонная башня была отброшена в сторону метров на 10, а над берегом, где стоял мощный старый дуб, на толстом суке висела танковая гусеница. Мы тщательно обследовали весь участок переправы и прилегающие заросли, но никаких следов экипажа нигде не было. Только в башне мы увидели большое кровавое пятно и обрывки танкового комбинезона.

Уже отчаявшись что-либо найти, я побрел от места взрыва. В это время ко мне подошел один из саперов и протянул кирзовую сумку. В ней лежали карта местности, тетрадь с какими-то заметками и потертый томик Пушкина, на мягкой обложке которого была подпись «В. Панкратов».

Переполненная щель

В этот погожий день, летом 1944 года, группа наших танков сосредоточилась на опушке леса в ожидании приказа о наступлении. Лес был переполнен войсками, и от постоянного передвижения автомашин, повозок, танков в воздухе стоял несмолкающий гул. Экипажи танков расположились у боевых машин, окружив заместителя командира бригады Золотова. Подполковник Золотов – грузный немолодой человек, с непривычной для военных бородкой, был крупным инженером и лишь недавно попал на фронт из запаса. Среди кадровых офицеров он выделялся мягкостью и обходительностью в общении, что, однако не мешало ему оставаться строгим, требовательным командиром. Золотов не ругался, обращался ко всем «на вы», офицеры, в свою очередь, часто называли его по имени отчеству.

Шума приближающихся немецких самолетов мы не слышали. Вдруг привычный гул был разорван пронзительным воем падающих бомб. Мгновенно мы бросились к укры-

тиям. Я успел подбежать к щели – неглубокой канаве, вырытой рядом с танками, – и свалился на чьи-то головы. Вслед за мной в щель упал Золотов, придавив своим мощным телом, которое уже не помещалось в переполненной щели. В этот момент раздались близкие разрывы бомб. Золотов вскрикнул – осколок попал ему в ногу.

Самолеты улетели, и настала непривычная тишина, прерываемая лишь стонами раненых. Мы выбрались из щели и подошли к рядом стоящему танку, под которым укрывалось несколько человек. Двое были ранены, один не двигался. Когда его вытащили, он был мертв. Это оказался командир роты Сеничкин, боевой удачливый танкист с двумя орденами Красного Знамени на груди. (Фронтвики знают цену этой награды.) Прихрамывая, подошел Золотов. Увидев Сеничкина, он снял фуражку:

– Ах, Сеничкин, Сеничкин, как это тебя? – По лицу подполковника покатались слезы.

Танковая колея

Меня вызвали к начальнику штаба бригады ранним утром.

– Продвижение второго батальона застопорилось, сообщения комбата какие-то неясные. Поезжай к нему и выясни, что там делается. Тебе нужно будет добраться до передовых танков, отправляйся на «семидесятке» сейчас же. Берегись мин, – добавил полковник.

Через полчаса мы уже мчались на «семидесятке» (так называли легкий быстроходный танк Т-70) по хорошей грунтовой дороге. Только вчера здесь прошли два десятка наших «тридцатьчетверок», и на дороге четко пропечатались танковые следы. Было тихо, до передовой километров 10, и оттуда доносилась только приглушенная канонада. Я стоял в башне танка и любовался пестрым осенним разноцветьем окрестных перелесков.

Сильный взрыв раздался совершенно неожиданно, меня подбросило, и я сильно ударился плечом о край люка. Мелькнула мысль: нас подбили и сейчас машина вспыхнет. В следующее мгновение я стремительно выбрался из танка. Из переднего люка раздавался стон, и я с трудом вытащил механика-водителя. Он был ранен в ноги.

Я обошел танк и увидел разорванную правую гусеницу и развороченные колеса ходовой части. Под танком зияла воронка диаметром около метра. Только теперь я понял, что причиной взрыва была противотанковая

мина. Но как могла сохраниться мина на дороге, где прошла большая колонна тяжелых машин? Оказалось, что «семидесятка» немного, всего на полметра, отклонилась от танковой колеи. Отправив на встречной машине в тыл раненого водителя, я на попутке поспешил к нашим танкам – приказ надо выполнять.

Обратно, по этой же дороге, я ехал на следующий день. Возле подорванного танка возилась бригада ремонтников. Я подошел к ним.

– Как дела, скоро машина пойдет? – спросил я у старшего лейтенанта в замасленном комбинезоне.

– Что ты, повреждения очень сильные, – ответил он. – Вот вытащим мотор и некоторые детали, а корпус придется бросить, танк восстановить нельзя.

...Я так и не смог понять, почему при взрыве, разворотившем бронированную машину, я отделался лишь легкой контузией и небольшой хромотой, которая прошла уже через неделю.

«Автоматчики»

Так на фронте называли вшей. Я прочел множество книг о войне, но не припомню, чтобы где-нибудь упоминалось о вшах. А ведь они были повсюду, с ними все время боролись – «прожаривали» белье и одежду. Результаты были кратковременными, живучие твари появлялись вновь. И это у нас, танкистов, которые обычно не сидят в окопах. А каково было пехоте?

Меня ранило в январе 1944-го. Рана была не опасная, обошлось без госпиталя, но нужно было ежедневно ходить на перевязку. Как же быть, если в бинтах на ноге поселились вши, а все медсестры свои, знакомые? И вот, перед каждой перевязкой я уходил в укромное место и тщательно очищал бинты от живности. Сейчас не верится, что это было. А ведь было!

Кулак командира

Сентябрь 1944 года, Латвия. У командира нашей бригады Сахарова убит адъютант.

– Будешь со мной, пока не подберу нового адъютанта, – приказал мне полковник.

В этот день наступление бригады из-за плотного огня захлебнулось, и Сахаров, не обращая внимания на близкие разрывы снарядов, отправился к танкам. Когда мы подошли к крайней машине, из люка выбрался ее командир, худой, высокий лейтенант.

– Почему стоишь, мать твою...? – в ярости крикнул полковник. И, не выслушав ответа, ударил лейтенанта в лицо своим мощным кулаком. Танк, взревев мотором, двинулся вперед, вслед за ним потянулись другие машины. Через несколько минут раздался сильный взрыв. Я посмотрел в бинокль, передний танк горел, из него никто не пытался выбраться. Сахаров выругался и, опустив голову, зашагал к своей машине.

Мертвый эсэсовец

Наша бригада наступает на Рижском направлении. Танки ушли вперед, и мы вместе с подполковником Золотовым идем по поляне, где недавно шел бой. Рядом с тропинкой лежит труп немецкого офицера в эсэсовском мундире. Я на минуту остановился рассмотреть его. Странно, у офицера все сохранилось: кобура с пистолетом, «Железный крест» на груди. Я нагнулся, чтобы забрать оружие и документы. Вдруг впереди, куда ушел Золотов, недалеко от него взорвался снаряд. Я успел заметить, как Золотов упал, странно взмахнув руками. Подполковник был тяжело ранен, и я даже не знаю, выжил ли он в госпитале – мы стремительно продвигались на запад.

Если бы не мертвый офицер... Дважды, будучи рядом с Золотовым, я уцелел. Что это? Судьба? Не знаю.

КАРТА

В конце войны меня назначили заместителем начальника штаба танкового полка. Я должен был помогать командиру полка подполковнику Киселеву управлять боем. Находился я вместе с командиром в боевых порядках на его танке, где была установлена сильная рация. Все изменения обстановки я наносил на оперативную карту, где ежедневно отмечался ход боевых действий

– красным карандашом положение наших войск, синим – немецких. Последняя оперативная карта чудом сохранилась и лежит у меня в папке с немногочисленными реликвиями войны почти шесть десятков лет. Это склеенные листы карты стотысячного масштаба («сотка»), где каждый сантиметр соответствует километру боевого пути. Карта большая и не помещается на широком сто-

ЭПИЗОДЫ ВОИНЫ

ле. Она сложена гармошкой, так ее носили в походном планшете, и на изгибах сильно потерта. Развернешь гармошку и сразу находишь нужный район.

Карта – подлинный свидетель нелегкого пути от Будапешта до Вены и от Вены до Праги. Путь этот длиной более 800 километров и продолжительностью свыше двух месяцев – март, апрель, май 1945-го. Карта испещрена красными и синими значками. Чаще всего это сдвоенные ромбики, соединенные перекладной, – так обозначали танковые части.

Как удалось мне сохранить секретную карту? Это любопытная история. В конце марта, когда мы подходили к западным границам Венгрии, в районе Шарвара, я вдруг обнаружил, что моя оперативная карта исчезла. Мы быстро двигались на запад, шли тяжелые бои, и только это избавило меня от серьезного разбирательства и возможных неприятных последствий. В штабе бригады седовласый майор, не стесняясь молоденькой помощницы, отругал меня трехэтажным матом:

– В другое время я бы тебе, м.....у, показал, а сейчас некогда. Пиши докладную, что планшет сгорел в танке.

– Вера, выдай этому растяпе новые карты, – приказал он сержанту. Я совсем уже

забыл об этой истории. Месяц спустя, после боев за Вену, на коротком привале, где-то на границе между Австрией и Чехословакией я отправился проведать своего друга, заместителя начальника штаба соседнего полка Ленью Лившина. Он сидел за столом и что-то чертил на оперативной карте. Я пригляделся. Значки на карте показались мне знакомыми.

– Ленья, а твоя карта очень похожа на мою, пропавшую, – сказал я.

– А чему удивляться, ведь оба наших полка шли вместе, – ответил Ленья, не поднимая глаз.

– Отчего же везде подправлен номер полка? – спросил я. Действительно, на всех значках, показывающих маршрут нашего наступления, под цифрами 1023 ТП (танковый полк) можно было угадать подтертое 1021 ТП.

– Черт с тобой, это твоя карта, забирай ее, – Ленья нервно закурил, – моя карта совсем порвалась, и я думал, тебе будет легче получить другую, ведь у тебя друзья в штабе бригады. Давай лучше выпьем, у меня хороший коньяк.

Ленья достал бутылку. На ее этикетке я разглядел дату «1918 год».

Так я стал обладателем двух экземпляров оперативной карты. Одну я сдал в штаб бригады, когда закончились бои, вторую – оста-

Карта боевых действий, 1945 г.

вил на память. Уже в мае, после окончания войны, развернув на столе огромное полотно, я решил, что хранить всю карту небезопасно. Я вырезал из карты все лишнее, оставив только полосу шириной 20-30 километров вдоль пути нашего наступления, от Будапешта до Праги.

Долгое время я вообще не доставал папку с картой. Не было необходимости. Целых три десятилетия события тех последних месяцев войны так ясно сохранялись в памяти, как будто происходили вчера. Почти безошибочно я мог указать день и даже час танкового боя, форсирования реки, сильной бомбежки, потери друзей... Но жизнь продолжается, а память не безгранична. И теперь, чтобы восстановить события тех дней, я достаю папку с картой и возвращаюсь в весну 1945 года.

Вот она станция Адони-Саболч, куда мы вышли после разгрузки из эшелонов под Будапештом. До линии фронта 20 километров. Фронт обозначен жирной синей полосой. За ней одиннадцать танковых дивизий вермахта, среди них значки нескольких дивизий СС – «Викинг» и других. Мощная танковая группировка – последняя надежда Гитлера переломить ход войны. Между озерами Балатон и Веленце линия фронта сильно выступает к востоку, от нее отходят синие стрелы. В этом направлении, по данным разведки, скоро начнется наступление немцев. Тревожно. Мы не расстаемся с противогазами – впервые за всю войну ожидается применение химических веществ.

7 марта. Немецкое наступление началось. Трудно, очень трудно сдерживать танковые атаки. У нас почему-то мало сил, и приходится маневрировать, отступать. А за нами, совсем близко, несет свои холодные воды широкий Дунай. Только после недели тяжелых боев фашистские танки были остановлены.

18 марта пришел приказ наступать. Мы прорвали немецкую оборону севернее Секешфехервара и двинулись на запад. На карте вижу значки: несколько синих ромбиков, перечеркнутых красной линией. Вспоминаю: вдоль шоссе, один за другим стоят восемь тяжелых танков «пантер». Танки совсем новые, видимо, совсем недавно сошли с конвейера. В борту каждого из них зияет дыра, пробитая бронебойным снарядом. Удачливый ли наш танкист захватил врасплох эту колонну? Или, может быть, сами немцы уничтожили свои танки, оставшиеся без горючего?

Красный пунктир на карте, повторяя изгибы шоссе, протягивается на запад. Вдоль

него красные ромбики – один за одним на марше, сдвоенные рядом, соединенные линией – развертывание для боя. Так прочерчен маршрут наступления нашей бригады. В некоторых местах маршрут пересекается синей дугой. Это узел сопротивления немцев. Дуга прорывается красной стрелой, и после непродолжительного ожесточенного боя танки снова выстраиваются в колонну и на полной скорости рвутся вперед, на запад. И снова – синяя дуга, прорыв или глубокий обход, и опять – на запад.

26 марта. Очередной бой. В этот день убили моего друга лейтенанта Гридасова. Мы стояли рядом, и пуля немецкого снайпера попала ему в грудь. Он был в офицерской фуражке, а я в пилотке. Не потому ли снайпер выбрал именно его?

30 марта. Мы вошли в Австрию и продвигаемся на север к Вене. Во всех городах на пути наступления у домов вывешены белые флаги – знаки капитуляции. Немцы ожесточенно сопротивляются. Днем в течение двух часов они бомбили нашу колонну. Советской авиации почему-то не было, и все это время я пролежал в небольшой канавке у дороги, вжимаясь в землю, когда раздавался пронзительный рев пикирующих бомбардировщиков.

Вечером, на привале за ужином разговор все время возвращался к прошедшей бомбежке.

– Мы просто отвыкли в последнее время от немецких самолетов, – начал мой друг Миша Долбнев, – а я никогда не забуду, как нас утюжили немцы зимой сорок третьего, когда мы отступали от Харькова. Спасаясь от самолетов, мы шли только ночами. Но и в светлые лунные ночи немцы охотились за каждым бойцом – ведь в заснеженной степи никуда не спрячешься. Это продолжалось дней пять, пока не испортилась погода.

2 апреля. Мы ведем бои восточнее Винер Нойштадта. В этот день командир полка решил направить небольшую группу танков в обход, чтобы перерезать шоссе, по которому отступают немцы.

– Пойдешь с группой, – приказал мне подполковник, – ее поведет Мищенко, новый командир роты, проследи, чтобы все было, как надо.

К вечеру по пустынным полевым дорогам мы вышли к небольшой деревне, раскинувшейся на холме, по обе стороны шоссе. Немцев здесь не было. Замаскировав танки, мы устроили засаду на въезде в деревню. Вскоре подъехал крытый грузовик. Увидав нас, молоденький белобрысый солдат-

ЭПИЗОДЫ ВОИНЫ

шофер выскочил из кабины и сразу поднял руки вверх. Я допросил его. Оказалось, что в соседнем городке сосредоточилась колонна бронетранспортеров и танков. Машина была доверху загружена продуктами, среди которых обнаружилось несколько ящиков с шоколадом. Напряженно ожидая подхода немецкой колонны, мы перехватили еще несколько автомашин. Все это было похоже на охоту из засады, но мы хорошо понимали: когда подойдет большая группа танков с пехотой, нам будет нелегко. Вдруг на дороге показался мотоциклист, который на полной скорости приближался к нам. Кто-то из автоматчиков поторопился открыть стрельбу. Мотоциклист быстро развернулся и скрылся за поворотом дороги. Теперь немцы обнаружили нас, и это осложнило ситуацию. Ночь прошла в напряженном ожидании, но больше на дороге никто не появлялся. Видимо, немцы, узнав о засаде, выбрали другой путь отступления.

4 апреля. Южные предместья Вены. У немцев сильная оборона, и мы с трудом продвигаемся вперед. Сегодня, когда я стоял у самоходного орудия, бронебойный снаряд из немецкого танка угодил в стоящее рядом дерево. В тот же миг раздался выстрел: командир «самоходки» засек немецкий танк по вспышке и поджег его. Вечером неожиданный приказ: прекратить атаки и обходить Вену с северо-запада. Мы двигаемся через холмистый лесной массив. Это знаменитый Венский лес, воспетый Штраусом. Война мало коснулась этого чудесного уголка. У дороги среди садов и лужаек расположились виллы, гостиницы и таверны. Немцы не ждали нас с этой стороны и лишь в некоторых местах мы встречаем очаги сопротивления. Наш маршрут на карте – извилистая дуга, конец которой упирается в Дунай у Клостернойбурга.

8 апреля. Мы выходим к Дунаю и, сбивая небольшие немецкие заслоны, двигаемся вдоль реки к Вене. На противоположном, левом берегу реки оживленное движение – немецкие танки, автомашины. Наша колонна медленно входит в город. Впереди танки, за ними группа автоматчиков, человек 20–30. Посреди улицы шагает полковник Сахаров, командир бригады, с ним несколько офицеров. Припекает солнце, становится жарко, и полковник снял кожаное пальто. На его широкой груди засверкали ордена и медали. Я подошел к нему:

– Товарищ полковник, уж очень блестят ваши награды, хорошая цель для снайперов.

– Не твое дело, капитан, – буркнул комбриг, – лучше бы вел учет трофеев, вон их здесь сколько. – Он показал рукой на брошенную немцами колонну автомашин. Но кожанку все-таки набросил на плечи.

К ночи мы вошли в центр города. Было тихо, только впереди, на южной окраине Вены громыхала канонада. Бои возобновились утром, когда немцы, опомнившись, подтянули свои части к центру. Мы заняли несколько кварталов и медленно вместе с пехотой продвигались вперед. Где-то неподалеку, на набережной Дуная работала наша авиация, штурмовики подавляли огнем узлы сопротивления в крупных зданиях. Временами стрельба прекращалась, и наступала непривычная тишина. В один из таких спокойных вечеров я поднялся на второй этаж ближайшего дома, в котором оставались местные жители, – нужно было уточнить план соседних кварталов. Дверь открылась только после настойчивого стука.

– Битте, битте, герр офицер, – услужливо произнес пожилой чисто выбритый мужчина в потертом пиджаке, с бабочкой на белой рубашке. Не без труда, призвав на помощь все свое знание немецкого, выяснил положение домов, где закрепился противник. В комнату вошла седая женщина, видимо, жена хозяина. Она поставила на стол два стакана чая и блюдце с сухариками.

– Извините, – смущенно сказала хозяйка, – больше нечем вас угостить.

Я оглядел комнату. Рядом с большим книжным шкафом на стене висела скрипка.

– Сыграйте что-нибудь, – попросил я хозяина.

– Нет, я не умею, это скрипка сына. Он погиб под Сталинградом, – добавил старик после неловкой паузы.

Я взял в руки скрипку и попытался вспомнить мелодию «Голубого Дуная». Получалось плохо, но хозяин оживился:

– О, Штраус, Штраус.

Раздался резкий стук в дверь. На пороге стоял сержант, ординарец командира полка:

– Вас срочно вызывает подполковник, немцы зашевелились.

Мы не успели выйти из дома, когда вслед раздался возглас:

– Герр офицер, подождите.

Запахавшись, быстро подошел хозяин квартиры и протянул мне сложенный плотный лист бумаги. Я осветил фонариком. Это был подробный план Вены.

Через четыре дня, 12 апреля город был полностью очищен от немцев.

20 апреля. После краткого отдыха в предместьях Вены мы вновь продвигаемся на север, к австрийско-чехословацкой границе. В районе городка Мистельбах на карте причудливое сплетение синих и красных дуг и стрелок. Вспоминаю, что здесь мы попали в серьезную переделку. Накануне вечером я поехал вместе с командиром полка в стрелковую дивизию, которую мы поддерживали. Нужно было уточнить план дальнейшего наступления. Танковая колонна во главе с заместителем командира ушла вперед, и мы должны были ее догнать. Но поздно вечером, когда мы освободились, связи с колонной не было. Пришлось ожидать до утра. На рассвете, так и не восстановив связь, мы отправились вслед за колонной. Командир сел в свой «виллис» (так назывались открытые американские военные автомашины), а я, как обычно, забрался в башню командирской «тридцатьчетверки».

Вскоре мы пересекли передний край, где стояли немногочисленные заслоны нашей пехоты, и поехали по танковому следу, который отчетливо пропечатался на полевой дороге. Было тихо.

– Ребята, глядите в оба, – сказал я разведчикам, которые сидели на танковой броне, – мы идем по немецкому тылу.

Я углубился в карту, надо было определить дальнейший маршрут. Когда я огляделся вокруг, мне стало не по себе: справа, в километре от нас, по шоссе шла немецкая колонна – грузовики и бронетранспортеры с пехотой.

– Какого хрена вы спите! – крикнул я разведчикам, которые спокойно курили. Мы остановились у небольшой рощицы. Подъехал «виллис» с командиром полка. Решили выяснить обстановку. Подполковник с автоматчиками прошли вперед. «Тридцатьчетверка» развернулась и укрылась в лощине. В это время послышался шум танкового мотора, и метрах в двухстах от нас показалась немецкая «пантера». Все дальнейшее вспоминается как быстро сменяющиеся в калейдоскопе картинки. «Пантера» остановилась, на башню поднялся долговязый танкист и стал разглядывать нас в бинокль. Я бросился к «тридцатьчетверке».

– Стреляй скорее, – крикнул я командиру танка.

– Не могу, надо выдвинуться вперед.

Тут я увидел, что оба танка разделяет небольшой бугор. Тот, кто выдвинется первым, станет удобной мишенью. Видимо, это поняли и немцы, и «пантера» начала медленно

отползать назад, затем развернулась и на большой скорости ушла, подняв клубы пыли. Вскоре вернулся командир полка:

– Дальше ехать нельзя, там стоят два тяжелых танка, кажется, это «тигры». Обратное мы мчались на максимальной скорости. Рассматривая местность в бинокль, я обнаружил на окружающих склонах артиллерийские позиции и вкопанные танки. Видимо, немцы хорошо укрепили этот район. Но немецкой пехоты на нашем пути не оказалось. Уже на подходе к переднему краю мы увидели две фигуры, шедшие навстречу.

– Сейчас я подстрелю этих фрицев, – сказал старшина-разведчик, поднимая автомат. Я глянул в бинокль:

– Не стреляй, это наши.

Буквально на ходу мы втащили на танк майора и капитана, инструкторов политотдела бригады.

– А мы шли к вам, – сказал майор.

– Зачем?

– Нельзя же оставлять полк без политического руководства.

К концу дня из немецкого тыла начали выходить уцелевшие танки, и мы узнали подробности неудачного боя. На своем пути наша группа встретила ожесточенное сопротивление немцев. Сил было явно недостаточно, и в это время прервалась связь. После потери нескольких танков пришлось отходить. Вечером командир полка вызвал к себе офицеров.

– Помянем тех, кто не вернулся сегодня, – сказал он, наливая водку в граненый стакан, – к счастью, потерь было немного, но жаль ребят, ведь конец войны уже близок. Я часто думаю, – продолжал подполковник, – почему мы так отчаянно и безоглядно, порой невзирая на потери, рвемся вперед? Вот, ведь, сколько прошли за последний месяц. Но, наверное, иначе нельзя, мы научились воевать, и надо скорее кончать с фашистами.

1 мая, Брно. Мы накануне, после недолгого боя, вошли в этот прекрасный чешский город. Сегодня праздник. У всех приподнятое настроение, чувствуется: вот-вот должна закончиться война.

8 мая. Сегодня утром началось стремительное наступление на Прагу, где немцы пытаются подавить народное восстание. В боевую колонну вошли несколько оставшихся в строю танков из нашего полка, а остальная его часть остановилась в небольшой деревне, окруженной лесами. На западном фронте немцы уже капитулировали, а в Чехии продолжают ожесточенное сопротивление. Мы

ЭПИЗОДЫ ВОИНЫ

напряженно ждем новостей, и я стараюсь не отходить далеко от радики, установленной в машине связи. Около семи часов вечера приходит страшная весть: погиб полковник Сахаров. Командир бригады на своем «виллисе» ехал в середине танковой колонны, которая преследовала отступающих немцев. Когда колонна вошла в небольшой городок и остановилась на площади у ратуши, ее окружила ликующая толпа местных жителей. В это время вблизи командирской машины раздалось два мощных взрыва. Как выяснилось потом, два эсэсовца из отступающей части укрылись на чердаке ратуши и бросили в центр толпы противотанковые гранаты. Погибли Сахаров, его адъютант, водитель и несколько десятков местных жителей. Таковы превратности войны. Ведь кто-то может погибнуть и в последний ее день. Но Сахаров прошел всю войну, и даже ни разу не был ранен.

...В этот вечер 8 мая мы так и не дождались сообщения о конце войны.

9 мая. Я проснулся в четыре утра. Начальник штаба полка Володя Маслов ожесточенно тряс меня за плечо:

– Вставай, немцы прорвались, – крикнул Володя, загоня в пистолет обойму, и выскочил на улицу. Я схватил автомат и последовал за ним. Было еще темно, только на востоке занималась заря. Из-за леса доносилась частая стрельба. К нам подошел командир полка, который ночевал в соседнем доме.

– Маслов, организуй круговую оборону, я поеду к пехоте выяснять обстановку, – приказал он, садясь в машину, где уже разместились трое автоматчиков.

В тревожном ожидании прошло около часа. Рассвело. Стрельба за лесом то усиливалась, то затихала. Если пробивается крупная группа немцев, сопротивляться будет нелегко: все танки ушли с колонной на Прагу, с нами остались лишь легкая зенитная установка, штабисты и ремонтники – всего человек тридцать. Наконец подъехал командир полка.

– Ребята! Война кончилась! – крикнул он, доставая пистолет, и первым открыл стрельбу в воздух. Мы последовали его примеру. Только теперь мы поняли, что стрельба за лесом – это не бой, а салют Победе.

...Я смотрю на карту, где маленькая деревня в лесу выделена жирной красной окружностью. Рядом цифры 5.00, 9.5.1945. Цифры эти закрывают название деревни, которое сейчас не удастся различить даже в лупу. Это последние записи на моей карте.

Збирог, июнь 1945 г.

10 мая мы прибыли в Прагу. Измученный город ликовал, празднуя освобождение от фашистов, и скорбел, провожая в последний путь жертвы восстания. Еще дымились развалины в местах недавних боев. Пленные немцы разбирали баррикады.

На следующий день мы поехали в центр Праги. В скверике напротив Национального театра – несколько свежих могил. Мы подошли. Это были захоронения бойцов и офицеров Красной Армии, погибших в боях за город. На одной из могил среди цветов виднелась табличка: «Полковник Сахаров. Погиб 8 мая 1945 г.». К могиле подошли две женщины, поставили несколько свечек, зажгли их и стали молиться.

...Я бережно складываю карту и убираю ее в папку, где хранятся оставшиеся немые свидетели последних дней той Великой войны. Вот потертый, разорванный на изгибах план Вены. В центре города несколько кварталов исчерчены красными и синими пометками – здесь мы вели бои. И еще в папке лежит конверт с надписью «Прага, май 1945». В конверте – открытки, изданные в Праге сразу после освобождения. Открытки тусклые, одноцветные. На одной из них – могила полковника Сахарова! Рядом в скорбном молчании отдают честь несколько офицеров, советских и чешских. Через некоторое время

прах Сахарова был перевезен в Киев, где он жил до войны.

...Странная все-таки вещь – память. Удивляюсь, как крепко засели в ней непривычные названия мест, где начинались бои той далекой весной – Секешфехервар, Фельшесольгаедьхаза. И не выговоришь сразу, а помнятся! А недавно, зайдя в аптеку, я вдруг запомнил название лекарства, которое принимаю ежедневно вот уже несколько лет – энап.

В боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны участвовал с 1943 по 1945 год в составе Юго-Западного, 2-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Украинских фронтов. Демобилизовался в 1946 году. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной Войны I и II степени, 17 медалями, в числе которых «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРЕ**

КИССИН Иснау Гаврилович – доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН. 123995, ГСП Москва, Д-242, ул. Большая Грузинская, д. 10. Тел.: 8 (499) 254-87-35.

EPISODES OF THE WAR

ISNAU G. KISSIN

Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Isnau G. Kissin recalls the episodes of the Great Patriotic War in which he participated since 1943 till 1945.

Key words: I.G. Kissin, combat operations near Stalingrad, offensive, Budapest, Vienna, Praga